

НЕ В СТАРОСТИ СТАРОСТЬ...

Габриэль ГАРСИА МАРКЕС

Великолепная автобиографическая книга Луиса Бунюэля¹, только что вышедшая из печати, открывается прекрасной главой, посвященной свойству человека, от которого мы больше всего зависим и которое нас больше всего тревожит, — памяти.

В этой главе Дон Луис рассказал о своей матери и о том, что в последние десять лет ее жизни она лишилась памяти полностью, настолько, что по несколько раз читала один и тот же журнал с одинаковым наслаждением, и ей всегда казалось, что журнал новый. «Затем настало время, когда она перестала узнавать своих детей, не знала, кто из нас кто и кто она сама», — пишет Бунюэль. «Я входил, целовал ее, ненадолго присаживался рядом, выходил и снова входил. И всякий раз она встречала меня с одной и той же улыбкой, приглашала присесть, словно видела впервые, и не могла вспомнить моего имени».

Дон Луис умолчал о том, о чем, вероятно, наверняка, с научной точностью, никто сказать и не может — ощущала ли свое несчастье сама мама. Скорее всего нет: ведь, возможно, ее жизнь с каждой минутой начиналась снова, подарив ей проблеск сознания, и тут же обрывалась, не принося боли, потому что в ней больше не оживали воспоминания горькие, да и приятные тоже не оживали, а они в конечном счете больше, так как это — сама ностальгия. И все же, когда я читал эту превосходную книгу, самое большое впечатление произвела на меня не эта загадка, а сила, живущая в книге, заставлявшая впервые задуматься о неизбежности старости.

В свое время с огромным удовольствием я прочитал книгу Симоны де Бовуар² о старости — возможно, наиболее скрупулезное и детальное исследование из всего, что писалось на эту тему, — но ни одна из ее страниц не вызвала во мне того биологического ужаса, о котором рассказал Луис Бунюэль. «В семьдесят лет я не мог уже вспомнить имена людей с той легкостью, какая бывала раньше», — пишет Бунюэль. — Начал забывать, где оставил зажигалку, куда положил ключи, как звучала мелодия, которую услышал однажды дождливым вечером в Биаррице».

Теперь, когда ему 82 года, это беспокоит его, потому что кажется, что начался процесс, который приведет его к краю пропасти — в рай забытия, где его мать прожила свои последние годы.

«Нужно лишь начать терять память, хотя бы частично, чтобы понять, что память и есть то, что составляет понятие жизни», — пишет Бунюэль. К счастью его собственная книга — доказательство того, что драма самого Луиса Бунюэля вовсе не в том, что он потерял память, а лишь в том, что он боится ее потерять. Его книга оказалась хранилищем воспоминаний, и суметь восстановить их в такой живой последовательности — значит совершить подвиг, который мгновенно перечеркивает мысль о какой-то старческой анемии. Недавно я сказал одному из друзей, что решил начать писать мемуары, на что тот ответил, что заниматься мне этим еще слишком рано. «Хочу начать, пока еще все помню», — сказал я. «Большинство мемуаров пишется тогда, когда их авторы уже ничего не помнят», — ответил он. Но только не Луис Бунюэль. Точность, с которой он рассказал о жизни Каланды в течение полувека, Каланды — университетского городка Мадрида, который оказал такое огромное влияние на его поколение, об эпохе сюрреализма, о стольких ярких событиях века, эта точность — доказательство того, что в непобедимом старце бьет источник молодости, который никогда не иссякнет.

Уже много лет назад он потерял слух, навсегда утратив ни с чем не сравнимое удовольствие наслаждаться музыкой. Он

вынужден читать при помощи лупы и специального источника света, так как теряет зрение, и он жалуется, что не тревожат его больше влечения. Свой последний фильм «Этот смутный объект желания» он снял пять лет назад и считает его фильмом последним.

Это говорит о том, что он действительно болен, устал от отсутствия дела, считает, что его покинули друзья и что он все чаще и все глубже задумывается о смерти. Но человек, сумевший подвергнуть такому глубочайшему анализу свою собственную жизнь и сделать это в такой форме, которая явилась свидетельством целого мира и целой эпохи, такой человек, без сомнения, вовсе не дряхлый старик, каким он сам себе кажется.

Кое-кто утешает себя, полагая, что старость — всего лишь состояние души. И хочется верить, глядя на проходящего мимо старца, не умеющего справиться с душой своей, что такое возможно, но не с тобой.

Несколько лет назад в зале ожидания аэропорта в Колумбии я встретил своего одноклассника и ровесника, который выглядел вдвое старше. Глянув на него, я понял, что его скороспелая старость — результат просто небрежного отношения к самому себе. Я не смог сдержаться, чтобы не сказать ему в нашей беседе, что вид его вовсе не вина божья, а его собственная, и упрекаю его в этом я потому, что имею право, так как его старость старит не столько его, сколько все мое поколение.

А недавно я попросил друга приехать в Мексику. «Туда — никогда», — ответил он мне, — потому что вот уже двадцать лет, как я не был в Мексике и не хочу увидеть свою старость на лицах своих друзей». И я сразу подумал, что он так же, как я, не позволяет себе помогать старости в ее наступлении.

Мой отец, которому 81 год, жизнелюбив и прекрасно выглядит, и мы, его дети, знаем, что его секрет очень прост: о старости — не думать.

Кубинский писатель Мигель Барнет описал историю жизни бывшего раба. Когда он брал у него интервью, он обнаружил, что старику 104 года, но память свежа, словно это живой архив истории его страны.

А доктор Грейв Бёрд, мнение которого приводит в своей книге Симоны де Бовуар, подробно обследовал четырехста человек, которым было больше ста лет, и результаты его исследований отрадны. «Большинство из этих людей, — писал доктор Бёрд, — имеют твердые планы на будущее, интересуются общественной жизнью, проявляют юношеский энтузиазм, имеют хороший аппетит, обладают тонким юмором и удивительной жизнестойкостью, они оптимисты, которые не испытывают страха перед смертью».

Что же касается желаний, то есть доказательство, что к девяноста годам организм человеческий оживает, наступает вторая молодость. И единственное условие этого — активность всей предшествующей жизни. Ничто так не охлаждает, как сама холодность.

Беда же состоит в том, что общество, демонстрируя почитание стариков, ведет человечество к старости насильно.

«Недавно, когда я предложил одному режиссеру сделать фильм по мотивам повести «Полковнику никто не пишет»³, он ответил мне прямо: «Стариков не продавать».

Во Франции, где в 1970 году оказалось больше всего стариков в мире, докатились до того, что устроили чествование шестидесятилетних. Это же скандал. И лучшим доказательством того, как это несправедливо, являются сами французские старцы — на свете нет существ более агрессивных, чем они, особенно в те минуты, когда на остановках такси они при помощи зонтиков и локтей отстаивают свои права в уличных потасовках с молодежью.

Я часто спрашиваю себя, а знают ли старики, что они стары. И не могу ответить. Не знаю. Знаю лишь, что неделю тому назад 54-летний мужчина, который чувствует себя в расцвете сил, дал одному пятилетнему мальчугану стопесовую бумажку. Счастливого малыша побежал показывать ее отцу, крича: «Эго дал мне вон тот старичок, который стоит там». Старичком, который стоял там, разумеется, был я.

Перевод с испанского Инги Скачковой и Галины Орехановой.

¹ Луис Бунюэль — крупнейший испанский кинорежиссер, сценарист, писатель. Автор фильмов: «Андалусский пес», «Золотой век», «Забытые», «Назарин», «Призрак свободы», «Скромное обаяние буржуазии» и др. На XI Международном кинофестивале в Москве в 1979 г. получил специальный юбилейный почетный приз.

² Французская писательница, 1908 года рождения, живет в Париже.

³ «Полковнику никто не пишет» — повесть Г. Гарсиа Маркеса, посвященная трагедии старого человека.

картин кинорежисера Луис Бунюэль

1983